

**Г.С.Ерёмкин,
В.А.Никулин**

Московское общество
испытателей природы

Как растёт филиненюк?

Филин — одна из самых редких птиц Подмосквья: сейчас на территории области живет всего несколько пар этого вида. Однако если вам повезет оказаться в том самом месте, где обитают филины, обнаружить их присутствие не так уж трудно. Ночью птицы громко кричат, демонстрируя редкое для сов разнообразие репертуара. Но крикливы они лишь до тех пор, пока не начнут насиживать кладку.

С 1995 года мы регулярно наблюдаем за парой филинов, облюбовавшей смешанный лес у границы Волоколамского и Лотошинского районов. В 2003 году здесь впервые удалось найти птенца редкой птицы. Обнаружить его было непросто: пополнение в семействе заставило взрослых филинов вести себя тихо, и, даже находясь всего в нескольких десятках метров от гнезда, трудно было заподозрить, что они рядом. Да и птенец, словно что-то понимая, тоже не нарушал тишину.

Как и другие совы, филины не строят собственных гнезд, но зато мастерски выискивают места, подходящие для гнездования. А подходит им и расщелина в скале, и уступ на речном обрыве, и песчаная осыпь. Дупло, слом ствола, большое гнездо, брошенное дневными хищными птицами, углубление у комля дерева (особенно если оно прикрыто нависающими ветками), наконец, просто ямка в земле, расположенная под упавшим стволом, а иногда и на открытом месте — все это вполне может привлечь филинов.

На первый взгляд общего у этих мест не так уж много, но все становится ясно, если учесть, что, по мнению специалистов, филины в ходе эволюции формировались как горные птицы. Скалы же обычно изобилуют неровностями, и потому любое углубление, если в него можно хоть как-то забиться и, используя покровительственную окраску, слиться с окружающим фоном, филины воспринимают как место, подходящее для гнездования. И все-таки, несмотря на простоту конструкции, гнездо филина хорошо замаскировано. Наткнуться на него случайно, не зная точного местоположения, практически невозможно. Чтобы запеленговать нужный район, нам пришлось всю весну слушать ночные крики птиц с компасом в руках: только во время откладывания яиц филины кричат у своего будущего гнезда, и было очень важно не пропустить последние звуки перед затишьем.

В начале июня мы разыскали гнездо. Азимут, определенный весной, оказался весьма точным, и нам, к счастью, не пришлось долго блуждать по лесу, причиняя филинам лишнее беспокойство. Взрослая птица (насиживает яйца, как правило, самка) подпустила нас метров на пять, а потом слетела. Это порадовало. Ведь если бы она стала тревожиться у гнезда, щелкать клювом и демонстрировать позу угрозы, нам пришлось бы немедленно уйти: после сильного стресса филины могут бросить кладку. Однако человек в этом лесу — гость не редкий, и наши филины, похоже, успели привыкнуть к тому, что поблизости то и дело появляются люди.

Оказалось, что гнездо устроено в естественном углублении, ограниченном комлем небольшой елочки и двумя стволами давно упав-

ших деревьев. Вот почему, когда птица сидела, вжавшись в лоток, ее спина сливалась с поверхностью и выглядела как продолжение лесной подстилки. Ничего не скажешь — маскировка отличная, и если бы не шорох при взлете птицы, заставивший нас обратить на нее внимание, найти гнездо, наверное, так бы и не удалось. Как и все совы, филин летает бесшумно, но не может сделать первый взмах, не задев подстилку или окружающие ветки. Крылья у этой совы необыкновенно длинные, что позволяет ей хорошо парить и планировать: филины, живущие в горах, нередко бодрствуют днем и подолгу парят в восходящих потоках воздуха.

Мы подошли к гнезду поближе. Никакой специальной выстилки в его лотке не было — только перья филина указывали на то, что это именно его гнездо. В сущности, оно представляло собой просто углубление в лесной подстилке, которая, впрочем, здесь довольно толстая: ведь кругом — осушенный сфагновый бор.

Птенец был еще совсем крошечный, длиной не более 15 сантиметров, и весь в белом пуху (фото 1). На месте глаз виднелись только небольшие щелочки, но крупные глазные яблоки проступали вполне отчетливо — перед нами была будущая ночная птица, для которой характерны очень большие глаза. Совенок лежал на спине с поджатыми лапками, со сложенной шеей. По-видимому, до того, как слететь, самка прижималась к нему своим брюхом и таким образом согревала. Остатков корма в гнезде не оказалось. Похоже, птенец вылупился совсем недавно и его еще не успели как следует покормить.

Перед тем как сфотографировать филиненка, мы аккуратно повернули его вполоборота на левый бок, чтобы на снимке были видны крохотные крылышки. В ответ на это птенец только раскрывал клюв: то ли он просто волновался, то ли думал, что его сейчас покормят, а может быть, ему просто

не понравилось, что тельце оказалось частично освещенным солнцем.

Мы сделали снимок, и на том с филиненком попрощались, запомнив место расположения гнезда. Оно было устроено совсем недалеко от дороги, по которой нередко ходят люди. Не более 100 метров негустого, прозрачного леса отделяли его от большой вырубki, а старые, заброшенные колеи проходили всего в 30–50 метрах. Несколько дальше от места, обжитого филинами, располагалась просека. Такое обилие «путей сообщения» вблизи гнезда вовсе не случайно. Филинам необходимы хорошо заметные ориентиры — ведь без них найти в темноте своего птенца было бы непросто даже сове. С другой стороны, расположение гнезда возле дороги указывает на то, что филины не боятся человека и охотно будут селиться рядом с людьми, если те перестанут их обижать.

Посетив гнездо через 19 дней, мы не застали в нем взрослую птицу, зато филиnenок к нашему повторному визиту уже изрядно подрос. Теперь он лежал на животе, вжимаясь в лоток, чтобы сделаться незаметнее (фото 2). Птенец был покрыт серым пухом с едва различимым волнистым рисунком. Из пушистого комочка слегка выступала голова с ярко-оранжевыми глазами, да на спине птенца виднелись два серых бугорка — отрастающие крылья, замаскированные пухом. Посерел филиnenок не случайно. Как и у всех сов, у него два пухо-

вых наряда. Замена белой птенцовой «рубашки», сформировавшейся еще в яйце, на длинный серый пух — явление вполне закономерное.

При нашем приближении малыш вжался в лоток еще сильнее. Когда до него дотрагивались, он, как и прежде, открывал клюв, но теперь уже явно не ждал, что его покормят, — испугался незваных гостей. Птенец оказался весьма упитанным: киль его грудины прощупывался плохо. Рядом лежал наполовину съеденный чирок-трескунок, который успел протухнуть. Мы выбросили остатки пищи из гнезда, чтобы запах не привлекал хищников. Здесь же, в гнезде, лежали перья озерной чайки, ворона, куликов и, похоже, ушастой совы. Давно известно, что всей пернатой добыче филины предпочитают других сов, но не потому, что они вкуснее. Дело в том, что все совы, и маленькие, и самые большие, охотно ловят мышей, и, таким образом, охотясь на своих дальних родичей, филины пытаются устранить пищевых конкурентов.

Затратив на осмотр гнезда около десяти минут, мы ушли.

В третий раз мы нанесли визит нашему юному другу в середине июля, спустя еще 19 дней. Филиnenок к этому времени повзрослел и ушел из гнезда, в котором мы нашли лишь несколько перьев взрослого филина да остатки пищи, которых, впрочем, было не много. Похоже, в последний раз птенец пообедал здесь

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

еще одной совой — серой неясытью.

Бессистемно прочесывать лес в поисках птенца не имело смысла, поскольку прятаться филин умеет великолепно. Но все-таки мы решили поискать его — хотя бы в том направлении, в котором полетела самка филина, когда при первом посещении мы спугнули ее с гнезда. Удача нам улыбнулась: не более чем в сотне метров мы обнаружили филиненка, который прятался между стволами упавших деревьев.

Теперь он стал крупнее почти вдвое, маховые перья развернулись практически полностью, но рулевые все еще были свернуты в трубочки (фото 3). Крылья птенца приобрели окраску, характерную для взрослых птиц, однако на голове, плечах и спине виднелись остатки старого, серого с волнистым рисунком, пуха. Особенно сильно изменилось «лицо» филиненка: пух здесь выпал, ярко-оранжевые глаза окружала теперь голая темная кожа. Создавалось впечатление, что на голову малыша надет пуховой капюшон, из-под которого он грозно взирает на непрошенных гостей. Над глазами появились характерные «рожки» или «ушки», но не перьевые, как у взрослых птиц, а пуховые.

Изменилось и поведение птенца. Если две с половиной недели назад он вжимался в лоток и открывал рот от страха, то теперь при нашем приближении филиненок шипел, громко щелкал клювом и раздувался как шар (фото 4). Особенно не нравилось птенцу, когда до него пытались дотронуться: хотя ему и самому было страшно, малыш изо всех сил старался напугать нас. От прежнего пухового птенца с грустными глазами не осталось и следа, но филиненок по-прежнему был на удивление усидчив. Он прятался в углублении между упавшими стволами точно так же, как раньше прятался в гнезде.

Вокруг валялись перья воронов, мелких уток, а метрах в двухстах, на краю вырубки, мы обнаружили «кормовой столик» с перьями чирка-свистунка и недоеденным кусочком свежего мяса. («Кормовых столиков» на территории, где обитают филины, обычно несколько: это излюбленные места, где совы расправляются со своей добычей. Называют их так потому, что всем про-

чим местам филины предпочитают вывороченные пни; на них, между корней, они обычно и кормятся.)

Спустя час, вновь оказавшись там, где совсем недавно наблюдали за филиненком, мы уже не сумели его разыскать — птенец надежно спрятался.

Отправляясь на гнездовой участок филинов через 20 дней, мы не надеялись обнаружить филиненка. Однако, к нашему удивлению, он продолжал держаться на прежнем месте. Был разгар грибного сезона, народу в лесу хватало, и мы совсем не удивились, когда увидели, что на территории гнездового участка из-за дерева высовывается чья-то спина, одетая в пеструю штормовку. Но, посмотрев в монокуляр повнимательнее, мы поняли, что обознались: это оказался птенец филина, который вырос настолько, что издали вполне мог сойти за грибника, вставшего на колени. Филиненок сидел всего в 20 метрах от своего прежнего убежища. На этом месте, у комлей двух растущих рядом сосен, находилась основательно вытоптанная площадка, рядом лежали остатки утки. Поблизости был и упавший ствол, который, по всей видимости, служил филиненку укрытием.

На этот раз птенец был не один. Приближаясь к нему, мы вновь спугнули взрослого филина, который не спешил улетать: он сел на ветку неподалеку и даже позволил себя сфотографировать. Все время, пока мы общались с филиненком, взрослая птица держалась поблизости, ее силуэт время от времени мелькал между деревьями. Оно и понятно: чем больше ребенок, тем больше филины его ценят, поскольку во взрослого птенца вложено много сил. Один раз взрослый филин даже угрожающе ухнул, однако, убедившись, что мы не причиняем птенцу вреда, решил пока не вмешиваться.

За три недели крылья филиненка оперились полностью, перьями покрылся даже лицевой диск, и лишь на голове все еще виднелись остатки

пуха. Хвост птенца хорошо разглядеть не удалось, так как теперь он все время старался повернуться к нам «лицом». Рулевые перья, по-видимому, тоже раскрылись, хотя, может быть, и не полностью.

В повадках подрастающего филина появилось что-то кошачье. Он быстро бегал, прижимался к земле, прятался за стволами деревьев и осторожно выглядывал из-за них, так что была видна только его голова. Поймать малыша было бы теперь совсем непросто, хотя он по-прежнему не стремился покинуть участок, на котором мы его обнаружили. Инстинкт привязывал филиненка к определенному месту, чтобы взрослой птице было легче его разыскать.

В конце концов, маленький филин убедился, что в способности бегать по лесу мы ему существенно уступаем. После этого он уселся рядом с упавшим стволом, наклонился вперед и, раздувшись, стал переступать с ноги на ногу, распуская крылья веером над головой (фото 5). При этом стало видно, что основания маховых перьев еще не скрыты кроющими: потому-то такой большой птенец все еще не мог летать. Потоптавшись на месте некоторое время, птенец успокоился и, как только мы отошли подальше, нашел очередное углубление в подстилке и вжался в него.

Отошли мы недалеко, метров на двести (нужно было осмотреть остатки утки, почти съеденной филинами). Но все-таки, когда вернулись обратно, филиненка на прежнем месте не было, и разыскать его опять-таки не удалось.

В конце августа мы приехали на гнездовой участок в последний раз: долго бродили по лесу, обнаружили множество перьев взрослых филинов, которые в это время года как раз начинают линять. На кормовых столиках валялись перья съеденных птиц: чайки, утки (вероятно, свиязи), серой неясыти, сойки. Самого филина нам довелось увидеть только один раз — на краю просеки. Он хорошо замаскировался, сидя в кроне высокой сосны. Даже большой пестрый дятел, устроивший «кузницу» на соседнем дереве, не замечал большую сову и не проявлял беспокойства.

Филин хорошо летал и явно тяготел к просекам. Это и понятно: ведь с большими крыльями развернуться в гуще леса совсем непросто. Насколько удалось разглядеть, все маховые и рулевые перья у него были на месте. Скорее всего, это и был наш филиненок — ведь в отличие от старших, молодые совы осенью не линяют. Теперь ему предстоит взрослая и, надеемся, долгая жизнь.

